

PRO НАСТОЯЩЕЕ

Вадим Щербаков

Предуведомление

Читатель уже заметил, что у журнала изменился макет. Новый костюм – штука требовательная. Потребно время, чтобы он обмялся и сел надлежащим образом. Да и фигуре следует приноровиться. Времени нам – по обыкновению – не хватило. Журнал разбухал как чемодан кокетки и не желал вместить всего запланированного. Пришлось отказываться от очень нужных вещей.

Полностью слетел раздел «PRO книги». Однако один текст из него я не могу и не хочу откладывать. Слишком долго он ждал своего часа. Кроме того, предлагаемые им мысли чрезвычайно важны – и для театра (хотя впрямую к нему не относятся), и для любого периодического издания. Да и для национального самосознания важны не менее.

Речь о послесловии Инны Соловьевой к книге «А.С. Суворин: портрет на фоне газеты», которую в прошлом году выпустили ГЦТМ им. Бахрушина и группа «Навона». Рукопись была завершена Инной Соловьевой и Верой Шитовой полвека тому назад, все это время пролежала втуне, а затем вдруг вывалилась-выскочила из шкафчика, разыскав публичности.

Герой книги многолик. Так же, как сложносоставно человеческое сообщество, из которого газета Суворина успешно организует монолитную массу. Издатель-миллионер, выбившийся из низов; его политические оппоненты; его – в буквальном смысле слова – креатуры: действительные, как всероссийски прославленный им «белый генерал» Скобелев, или мнимые, как непослушный писатель Чехов. Особенно мне дорог в этой веренице лиц персонаж фиктивный, авторами талантливо и живо сочиненный – читатель «Нового времени».

Сей господин средней руки квартирует на Разъезжей улице Петербурга в доме, обставленном богатой мебелью и темной бронзой из третьих рук, счастливо приобретенными в bricabrac'e. Он обременен семейством; имеет тещу, привычка которой владеть истинными правилами обихода сильно поколеблена переездом из провинции в столицу. Господин советник взыскан начальством, обеспечен весьма приличным жалованием, позволяющим жить с известной приятностью, и не слишком отягощен часами присутствия.

Он – олицетворение того «среднего класса», который у нас от Гостомысла до дня сегодняшнего с фатальной неизбежностью в основном формируется из бюрократии (разной степени вороватости). Вера у этих господ может быть разная: кто-то верит в Бога, иные – в Табель о рангах, есть истово поклоняющиеся деньгам. Но кроме веры для общественных отправлений требуются еще и убеждения, самостоятельно наживать которые трудно, хлопотно да и опасно (не ровен час окажешься в своей среде белой вороной).

Ответственность за убеждения этого класса взял на себя Суворин. Его «Новое время» вовсе не было чисто коммерческим предприятием (хотя и сделалось очень успешным бизнесом). Иронизируя над

герценовским эпиграфом «Зову живых», Суворин посмеивался и над девизом: «Стоимость объявлений по прейскуранту». Его газета идею и программу имела. Авторы книги убедительно доказывают, что таковыми была позиция «здорового смысла». К читателю обращались уважительно, лстя ему интонацией: мы же с Вами не дети, знаем по чем фунт редьки на Сенном рынке.

Как там у Галича про декабристов?

*Мальчишки были безусы —
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?!
Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды —
Они ж по ночам:
«Отчизна! Тираны! Заря свободы!».*

Посеянному мальчишками «святому недовольству» газета Суворина противопоставила «довольство» — и осыатило его понятной программой развития. Прогресс хорош постольку, поскольку всего становится больше. Пускай пока у немногих, но ведь от нашего блага и другим перепадает. А значит: богатеите, множьтесь, расширяйтесь — и расцветет страна от трудов ваших, от аппетита к бесперебойному поглощению плодов алчной предприимчивости.

В другом веке, на руинах другой империи (но в тех же палестинах) такая программа вновь окажется востребованной, опять покажется достойной и убедительной. Разве здравый смысл плох? Неужели призыв трезво смотреть на жизнь порочен? Что дурного в признании очевидного: люди не равны друг другу, свобода ограничена возможностями, а братство вредит конкуренции, ослабляя ненужными комплексами сильнейших?

Здравый смысл в изложении «Нового времени» был пошлостью прежде всего потому, что прикладывался к действительности усеченно, в ограниченных масштабах. Такова уж судьба «либеральной» идеи — по крайней мере в России — она не только бескрыла, но и пуглива сверх меры. Провозглашая подчинение мечты реализму жизни, идея эта боится увидеть действительность во всей полноте.

«Волевые проектанты» будущего (как их точно называют соавторы книги) гнут и корежат жизнь, ломают ее через колено ради воплоще-

ния своих идеальных построений. Они презирают органические законы бытия. Несовершенство наличествующей действительности дает им, по вере их, право расчищать место для новой жизни, не считаясь с жертвами, без угрызений совести и сомнений применяя насилие. Эти проектанты предлагают обществу восхититься ослепительным светом своей мечты и свято верят, что кости убитых ради нее сгниют, прах разнесет ветер и ничто не сможет бросить тень на их сияющие грады.

В пику «схематизаторам», сторонники здравого смысла насилие уважают лишь в гигиенических пределах. В качестве острастки для горячих голов, как лекарство от эксцессов, не более. На словах они за то, чтобы жизнь сама — под руководством правильно думающих, трезвых людей, разумеется, — очищала себя от иррациональной скверны, оставляя простор для развития лишь полезному созиданию. По остроумному замечанию авторов книги: Суворину хотелось бы, чтоб жизнь вообще не менялась, а только умножалась, наполняясь все большим и большим количеством пригодного к потреблению добра.

И все же — реализм такого рода «либералов» и «демократов» оказывается условным до чрезвычайности. Он ценит правдоподобие, а не правду; удобную для его целей иллюзию точности, но не подлинность.

Эта коллизия объемно представлена на примере взаимоотношений издателя с Чеховым, про которого в книге рассказано и определено замечательно. Его, полагают авторы, Суворин видит своим созданием: «Десять лет слал газету “в жизнь” — и оттуда <...> ко мне пришел этот Антон Павлович. <...> Мое, мое! — и эта антипатия к самому слову направление, и это нежелание прослыть либералом или консерватором, и эта усвоенная уверенность, что всякая идейность в конце концов неискренна или нежизненна, что это “фирма и ярлык”; <...> этот запах жилья в каждом его рассказе, эта неостановимая разговорчивость персонажей <...>. Вот он, первый художник “партии жизни”, мною созданный»¹.

Желание Суворина увидеть в Чехове талантливую сына-продолжателя обречено на разочарование, ибо не учитывает «несовместимость природы искусства как такового и программы, ради которой жило “Новое время”. Когда Чехов писал о себе: “Я не либерал, не постепенец, не монах, ни индифферентист. Хотел бы быть свободным художником и — только”, — Суворину бы не радоваться — “мое, мое”, — но задуматься: а как вообще совмещается “свободный художник” с его, суворинским, складным, бодрящим проектом мироустройства»².

Никак. Искусство – это способ познания; художник может быть пристрастен или привержен предрассудку любимой мысли, но он исполнен мужества смотреть на мир открытыми глазами.

«Новое время» открывает и практически обкатывает механизм подмены истины в массовом сознании. Правда – не то, что случилось, а то, про что напечатано. Главное – повторять почаще. Ибо достоверность определяется частотой употребления (тиражом) и предугадыванием ожиданий. Чем точнее журналист понимает страхи и чаяния читателя, тем вернее его трактовка жизни окажется принятой за правду.

Рецепт богатый, исправно работающий вплоть до сего дня. Наше время, конечно, внесло в него свои коррективы: факт публикации сам по себе уже не создает ауру достоверности. Все настолько привыкли к обману, что новостной и аналитический поток протекает теперь непосредственно в область веры. Люди сами выбирают себе события из массы предложений и верят, что они точно случились, а остальное – пропаганда.

Читая книгу И. Соловьевой и В. Шитовой, я – как не удивительно это мне самому – больше задумывался не о механизмах управления массовым сознанием, а о судьбе жизнестроительных идей в России. О том, что самая красивая мечта, самый лучший план социального переустройства компрометируются неспособностью видеть реалии их воплощения. Это же, как выяснилось, относится и к несимпатичным мечтам, идеям и планам.

Думал я и о том, насколько трудно достигим идеал внепартийного журнала, единственным направлением которого должно быть уважение к искусству и аргументированным высказываниям о нем людей, с чьим мнением ты не обязан соглашаться.

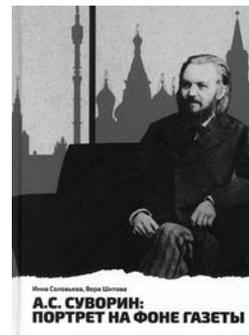
Впрочем, передаю слово Инне Соловьевой. Публикуемый текст не вошел в издание книги. Мне он кажется важным – и как взгляд на предысторию создания работы, и как продолжение размышления о массовом сознании, и как приглашение задуматься о смысле исторических сближений.

¹ Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, издательская группа «Навона», 2017. С. 87.

² Там же. С. 90.

Инна Соловьева

Полвека спустя

Инна Соловьева, Вера Шитова.

«А.С. Суворин: портрет на фоне газеты».

М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, издательская группа «Навона», 2017

Независимо от того, чего стоит сам текст, замечательно его происхождение. И так – о том, как он возник.

В «Новом Мире», (№ 10, 1960) была опубликована статья Владимира Саппака «Телевидение, 1960. Из первых наблюдений». Теперь сказали бы: препринт. Саппак готовил книгу о природе телевидения и возможностях ее применения. Он вел исследование самым простым способом – изо дня в день смотрел «голубой экран», как и что там изо дня в день показывали. Что, как и зачем. *Зачем* это нам и *зачем* это им, – тем, кто показывает, организуя свой и наш день.

Владимир Саппак до того писал о театре в соавторстве со своей женой Верой Шитовой, но новую работу он задумал один. Так вышло. У Саппака с детства была тяжелейшая астма, все больше времени приходилось проводить дома. Дома у него, как тогда у всех, уже появился «ящик». Саппак относился к ящику с интересом и доверием – готовность интересоваться и доверять была прелестна в его органике.

Саппак не досмотрел – не дописал свою книгу – скончался 23 ноября 1961 г. Остались ворохи бумаг, исписанных легким, быстрым, разборчивым почерком. Ясен был замысел. Сложить книгу было нетрудно. Книгу издали быстро. Ей дали бумажную веселую обложку. По страницам в текст забегали рисуночки: занятные, милые. Книгу назвали как хотел того автор: «Телевидение и мы», ее читали увлеченно, она собрала премии.